

Научная статья
УДК 342.731
DOI 10.33184/pravgos-2026.3.3

Original article

СОКОЛОВСКИЙ Константин Геннадьевич
Гуманитарно-техническая академия,
Кокшетау, Республика Казахстан,
k_sokolovskiy@fastmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5529-3865>

SOKOLOVSKIY Konstantin Gennadievich
Humanitarian and Technical Academy,
Kokshetau, Republic of Kazakhstan

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ, МЕХАНИЗМЫ И ПРЕДЕЛЫ

THE RELIGIOUS FACTOR IN LAWMAKING: CONSTITUTIONAL PRINCIPLES, MECHANISMS, AND LIMITS

Аннотация. В условиях усложнения общественных отношений и усиления ценностной неоднородности общества государство сталкивается с необходимостью учитывать общественно значимые мировоззренческие позиции, не допуская при этом размывания принципа светскости и подмены правовых критериев религиозными установлениями. В этой связи проблема участия религиозных организаций в правотворческом процессе светского государства и связанные с этим пределы допустимого влияния религиозного фактора на содержание нормативных решений приобретает особую актуальность и требует комплексного теоретико-правового исследования. Цели: выявить механизмы влияния религиозных организаций на правотворчество, определить границы такого влияния и выработать подходы к его правовому упорядочению в светском государстве. Методы: в качестве основного использован метод формально-юридического анализа конституционных положений, законодательства о свободе совести и норм, регулирующих участие общественных институтов в обсуждении и подготовке правовых решений; сравнительно-правовой и институциональный методы позволили сопоставить различные модели взаимодействия государства и религиозных объединений, оценить религиозные организации как участников публичной коммуникации. В результате установлено, что влияние религиозных организаций и объединений на правотворчество носит преимущественно опосредованный характер и проявляется через общественные обсуждения, экспертные заключения, консультативные формы участия и воздействие на ценностные ожидания общества. Сделан вывод, что правовое регулирование данной сферы должно основываться на сохранении светского характера государства, равенстве религиозных объединений перед законом, четком разграничении религиозных и правовых норм и создании прозрачных процедур участия религиозных организаций в обсуждении социально значимых законодательных инициатив.

Abstract. As social relations become increasingly complex and societal value heterogeneity intensifies, the state faces the challenge of acknowledging socially significant worldviews without compromising the principle of secularism or allowing legal criteria to be supplanted by religious doctrines. In this context, the issue of religious organizations' participation in the lawmaking process of a secular state, along with the permissible limits of religious influence on the content of normative decisions, gains particular urgency and requires comprehensive theoretical and legal research. Purpose: to identify the mechanisms of religious organizations' influence on lawmaking, to define the boundaries of such influence, and to develop approaches for its legal regulation within a secular state. The primary method employed is the formal-legal analysis of constitutional provisions, legislation on freedom of conscience, and the norms governing the participation of public institutions in the discussion and drafting of legal decisions. Comparative law and institutional methods were used to compare various models of interaction between the state and religious associations, as well as to evaluate religious organizations as participants in public communication.

Results: the findings reveal that the influence of religious organizations and associations on lawmaking is predominantly indirect, manifesting through public discussions, expert opinions, consultative forms of participation, and the shaping of societal value expectations. The article concludes that the legal regulation of this sphere should be based on maintaining the secular nature of the state, the equality of religious associations before the law, a clear distinction between religious and legal norms, and the establishment of transparent procedures for the participation of religious organizations in the discussion of socially significant legislative initiatives.

Ключевые слова: светское государство, свобода совести, религиозные организации, правотворчество, конституционное право, правовое сознание, ценностные основания права, религиозный фактор

Для цитирования: Соколовский К.Г. Религиозный фактор в правотворчестве: конституционные принципы, механизмы и пределы / К.Г. Соколовский. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 21–29.

Keywords: secular state, freedom of conscience, religious organizations, lawmaking, constitutional law, legal consciousness, value foundations of law, religious factor

For citation: Sokolovskiy K.G. The Religious Factor in Lawmaking: Constitutional Principles, Mechanisms, and Limits. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 21–29. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.3.

ВВЕДЕНИЕ

Современное светское государство функционирует в условиях глубокой трансформации общественных отношений, затрагивающей социальную структуру, систему ценностей и формы взаимодействия между государством, обществом и религиозными институтами. Усложнение социальной структуры и изменение ценностных ориентиров неизбежно отражаются на функционировании государства и требуют адаптации правовых механизмов к новым условиям. В этой связи особое значение приобретает модернизация национальных правовых систем, призванных обеспечивать баланс между стабильностью правопорядка и динамикой общественного развития.

Ключевым инструментом такой модернизации выступает правотворческая деятельность, значение которой невозможно уяснить без учета многообразия факторов, влияющих на формирование правовых норм. В светском государстве, основанном на принципах свободы совести и равенства религиозных объединений перед законом, вера не исключается из общественного пространства и не может рассматриваться только как частная сфера. Напротив, религиозные организации, являясь значимыми социальными институтами, частью гражданского общества, оказывают влияние на общественное сознание, моральные установки и ценностные представления, которые в той или иной степени находят отражение в процессе правотворчества. При этом речь не идет о прямом слиянии правовых норм и религиозных предписаний или введении последних в структуру законодательства. В светском государстве важна не изоляция права от религиозных ценностей, а их взве-

шенное соотнесение и интеграция на уровне общегуманистических принципов, таких как достоинство личности, свобода совести, справедливость и социальная ответственность. Игнорирование религиозного фактора в правотворческом процессе либо его формальный учет способны породить правовые коллизии и социальную напряженность.

Так, А.Л. Посашкова считает, что взаимодействие правовых и религиозных норм в правообразовании отражает взаимодействие составных частей ценностной культуры государства, связанных причинно-функциональными и логически-смысловыми связями, тогда как религиозные нормы, например, для компактно проживающих этнических анклавов граждан, нередко оказываются более значимыми, чем правовые. Все это необходимо учитывать в нормотворческом процессе [1, с. 10].

Отсутствие четкого и последовательного нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, может повлечь негативные последствия. С одной стороны, возрастает риск злоупотреблений со стороны органов и должностных лиц государства, выражающихся в неоправданном ограничении деятельности религиозных организаций, нарушении прав верующих и дискриминации по признаку веры. С другой стороны, при слабости правовых механизмов религиозные объединения могут чрезмерно и неконтролируемо вмешиваться в сферу государственной деятельности. Это способно привести к навязыванию религиозных норм в качестве обязательных, а в крайних проявлениях – к распространению радикальных и экстремистских идей под прикрытием религиозных лозунгов. Так, М.В. Глушков полагает, что при слабости (либо неоправданной либерализации) законо-

дательства в сфере религии зачастую «религиозные организации... выступают в качестве политических институтов, упорядочивающих политические и иные отношения с помощью систематизированного идеологического воздействия на основе религиозных норм и регулятивных требований» [2, с. 267–268].

В связи с этим крайне важно изучить специфику воздействия религиозных организаций на процесс правотворчества в светском государстве, что позволит выявить механизмы взаимодействия государства и религиозных институтов, определить пределы допустимого участия религиозных организаций в формировании правовых решений и выработать сбалансированные подходы к нормативному регулированию, направленные на обеспечение общественной стабильности, защиту прав человека и сохранение светского характера государства.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Государства выстраивают отношения с религиозными объединениями по-разному, исходя из исторического опыта, социально-политического контекста, культурных традиций и уровня правового развития [3, с. 18–19]. Эти различия находят наиболее концентрированное выражение в правотворческой сфере, поскольку именно в процессе создания правовых норм фиксируется и ярко проявляется модель взаимодействия государства, общества и религиозных институтов. В зависимости от конституционного и фактического статуса религии в системе публичной власти в правовой науке принято выделять теократические, клерикальные, светские и атеистические государства, при этом последние нередко рассматриваются как разновидность светских. Для светского государства принципиально важно, чтобы принятие общеобязательных норм относилось исключительно к компетенции органов публичной власти, а религиозные объединения не наделялись правом нормотворчества [4, с. 104–105].

Секуляризм в юридическом смысле предполагает институциональное разделение государства и религии, их взаимную независимость и юридическое равенство, гарантированность

свободы совести, включая право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой. Вместе с тем светскость не означает полного исключения религиозного фактора из правотворческого процесса. Религиозные организации, несомненно, выступают значимыми социальными субъектами, формирующими ценностные ориентиры, нравственные установки и общественные ожидания, которые опосредованно воздействуют на содержание законодательства. Как справедливо отмечает Р.Л. Иванов, «субъекты нормотворчества существуют и действуют не только в сфере права, но и в религиозной, нравственной, политической, эстетической, технической и иных областях социума» [5, с. 7]. Таким образом, влияние религии на право реализуется не в форме прямого заимствования религиозных норм, а через участие религиозных объединений в общественных дискуссиях, экспертных консультациях и процессах формирования правовой политики.

Например, в Республике Казахстан с момента обретения независимости сложилась собственная модель светского государства, ориентированная на поддержание межрелигиозного мира и общественной стабильности. Конституция¹ закрепляет светский характер государства как базовый принцип (ст. 1), а последующие законы конкретизируют его, устанавливая правила реализации свободы совести и регулируя деятельность религиозных объединений. Для того чтобы одновременно защитить права каждого верующего, гарантировать равенство всех конфессий и не допустить угроз общественной безопасности, государство берет на себя двойную роль – оно не просто устанавливает правила, а выступает своего рода арбитром, определяя, в каких формах религиозные организации могут участвовать в общественно-политической жизни, чтобы их деятельность не выходила за рамки закона и не нарушала светский характер государства.

Казахстанское правовое пространство, как представляется, уникально тем, что в нем со-

¹ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15.03.2026) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов «Әділет» Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 18.06.2026).

существуют самые разные религиозные объединения с различными вероучительными доктринами. Каждое из них – не просто сообщество верующих, а целая мировоззренческая система со своими нормами и представлениями о морали, справедливости и правильном поведении. Разумеется, эти установки и догматы не остаются внутри общин, они влияют на общественное восприятие права и формируют запросы к законодателю со стороны последователей разных религий.

В таких условиях правотворчество становится важным инструментом диалога. Оно позволяет выстроить конструктивное взаимодействие между государством и религиозными организациями без отказа от принципов светскости и равенства перед законом. Законодатель как бы создает площадку для обсуждения: с одной стороны, учитывает ценностные (в том числе и религиозные) ориентиры той или иной части общества, с другой – сохраняет верховенство права и не допускает подмены юридических норм религиозными.

Напротив, отсутствие четко определенных правовых рамок взаимодействия религиозных организаций и государства создает риск как неоправданного ограничения свободы совести, так и чрезмерного влияния религиозных институтов на процессы правотворчества и правоприменения. В крайних случаях это может способствовать использованию религии в деструктивных целях, включая легитимацию экстремистских проявлений, принуждение граждан к той или иной вере либо отказу от нее. Поэтому особую актуальность приобретает вопрос о допустимых пределах влияния религиозных организаций на правотворчество в светском государстве. Такой подход позволяет перейти от общего теоретического обсуждения принципа светскости к конкретному анализу форм и механизмов воздействия религиозного фактора на формирование правовых норм.

РЕЛИГИОЗНАЯ СФЕРА И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Категория справедливости традиционно рассматривается как одна из ключевых ценностных основ права и нередко включается в его содержательное определение. Как верно

отмечал крупнейший российский правовед В.П. Мозолин, «через нормы справедливости право проникает в сознание каждого человека. Иначе человек не может быть убежден в правильности своего поведения, а нормы права вообще перестанут применяться так, как хотелось бы обществу и законодателю» [6, с. 7]. Сказанное подчеркивает, что право как социальный регулятор не может функционировать изолированно от нравственных представлений общества. Право и нравственность образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой каждая из этих категорий сохраняет собственную специфику, но одновременно опирается на общие ценностные основания.

В этом контексте взаимодействие религиозной и общественной жизни выступает одной из наиболее сложных и значимых проблем современного государства. Религиозные организации, претендуя на статус носителей «высшей морали», объективно стремятся к расширению своего влияния за пределы сугубо культовой сферы. В их деятельности нередко проявляется стремление участвовать в формировании общественных ориентиров, определении целей социального развития и интерпретации ключевых событий общественной жизни в соответствии с религиозными представлениями. Подобная активность неизбежно затрагивает сферу публичной власти и, в частности, процессы формирования и восприятия правовых норм.

Социальная стабильность и ощущение справедливости во многом опираются на массовые представления о должном и допустимом. Вместе с тем само понятие справедливости не является однозначным и может трактоваться по-разному. В этой связи государство объективно нуждается в социальных акторах, способных участвовать в формировании устойчивых представлений о справедливости и поддержке идеи социального государства. Одним из таких естественных «союзников» выступают религиозные организации, деятельность которых направлена на удовлетворение как духовных, так и социальных потребностей граждан.

Фактически, привлекая религиозные организации к реализации социальных функций, государство делегирует им часть задач в сфере, например, социальной поддержки насе-

ления, при этом не обеспечивая полноценного бюджетного финансирования. Социальная работа религиозных организаций в значительной степени осуществляется за счет благотворительных ресурсов и добровольного участия верующих. Тем не менее именно эта деятельность – согласимся с А.Г. Семашко – способствует укреплению социальной солидарности и формированию доверия к институтам власти, что имеет непосредственное значение для эффективности правового регулирования [7, с. 241].

Обладая значительным человеческим и организационным потенциалом, религиозные организации способны оказывать влияние и на формирование правового сознания граждан. Не случайно И.Д. Борокова обращает внимание на то, что «через социальное партнерство и социальное служение религиозные организации оказывают значительное влияние на процесс формирования духовно-нравственных основ общества, этнической идентичности и гражданственности. Посредством организации и проведения мероприятий культурно-просветительского характера, военно-патриотического воспитания, создания просветительских, культурно-исторических и образовательных центров, оказания конкурсной и грантовой поддержки социально ориентированным проектам религиозные организации влияют на формирование условий для укрепления основ гражданского общества» [8, с. 139] и правосознания. Их повседневное взаимодействие с широкими слоями населения позволяет транслировать идеи законопослушного поведения, ответственности, уважения к праву и осознания не только субъективных прав, но и обязанностей. В этом смысле религиозные организации могут рассматриваться как важный канал опосредованного влияния на восприятие законодательства и легитимность правотворческих решений.

В то же время нельзя не отметить, что усиление роли традиционных конфессий в общественной жизни сопровождается ростом их институционального присутствия в публичной сфере. Создание постоянных представительств при органах власти, участие в общественно значимых мероприятиях, комментирование важнейших политических решений и т. п. позволяют говорить о фор-

мировании особой модели взаимодействия религии и государства. С одной стороны, подобная модель воспринимается как возвращение к исторически сложившимся формам сотрудничества, с другой – нередко вызывает критику с либеральных позиций. Особенно остро обсуждается вопрос допустимости поддержки религиозными организациями политического курса государства, консервативных идей, традиционных ценностей и их участия в формировании нормативных представлений о желательном поведении.

Сравнительный анализ показывает, что подобные процессы характерны не только для постсоветского пространства. Например, в США взаимодействие религии и государства имеет длительную историческую традицию, а религиозные организации, прежде всего христианско-протестантские, оказывают заметное влияние на становление общественных и правовых установок, в том числе на уровне религиозного лоббизма и «религиозного отстаивания интересов» (religious advocacy), выделяемых исследователями в качестве отдельного политико-правового феномена [9, с. 737–738].

В условиях светского государства подобное влияние требует осмысления и правового упорядочения. Религиозные организации, независимо от конфессиональной принадлежности, могут рассматриваться как социальные партнеры власти и участники формирования правового сознания, поскольку без такового и доверия к праву вообще успешное принятие и реализация законов представляются невозможными. Это делает вопрос участия конфессий в правотворческом процессе одним из важных для современного государства.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

В условиях светского государства влияние религиозных организаций на правотворчество носит, как было показано выше, преимущественно опосредованный и многоуровневый характер, не выражается в прямом участии религиозных институтов в нормотворческой деятельности (хотя ряд экспертов активно поддерживают участие религиозных организаций в качестве «официальных субъектов местных правоотношений» на

уровне местного самоуправления [10, с. 111]). Вместе с тем они, обладая устойчивым социальным авторитетом и значительным влиянием на общественное сознание, включены в систему общественных коммуникаций, в рамках которых формируются ценностные ориентиры, оказывающие воздействие на содержание правовых решений.

Одним из ключевых механизмов такого влияния является участие религиозных организаций в публичных дискуссиях, связанных с обсуждением социально значимых законопроектов. Через заявления, обращения, экспертные заключения, выступления в СМИ и социальных сетях, участие в общественных советах и пр. религиозные объединения транслируют свою позицию по самому широкому кругу вопросов, в том числе семьи, образования, биоэтики, культуры, социальной защиты и нравственных оснований общественной жизни. Эти позиции, конечно, не обладают прямой юридической силой, но способны заметно смещать общественное мнение, особенно в тех регионах, где религиозная идентичность остается сильной. А там, где голос духовных лидеров звучит особенно громко, это влияние приобретает уже вполне ощутимый вес и начинает косвенно сказываться на приоритетах самого законодателя.

Не менее значим и консультативно-экспертный формат взаимодействия. Представителей традиционных конфессий часто приглашают к обсуждению проектов нормативных актов, так или иначе затрагивающих религиозную сферу или социально значимую проблематику вообще. Государство тем самым получает возможность увидеть, как та или иная норма будет потенциально воспринята верующими, а религиозные эксперты могут заранее предугадать возможные конфликтные зоны, указать, например, на формулировки, которые могут задеть чувства верующих или войти в противоречие с устоявшимися традициями. В итоге снижается риск будущих правовых коллизий, а новые законы чаще воспринимаются обществом как более справедливые и легитимные.

Все это, безусловно, помогает учитывать специфику религиозной практики и уменьшать количество потенциальной конфликтности в правотворчестве. Однако здесь важно

сделать одну серьезную оговорку: если правила такого взаимодействия остаются нечеткими и непрозрачными, этот канал потенциально может легко превратиться в инструмент скрытого, неформального давления на правотворческий процесс.

Отдельного разговора заслуживает культурно-нормативное влияние религии. Даже не будучи источником права, религиозные нормы и моральные установки создают тот самый ценностный фон, через который общество смотрит на вновь принимаемые законы и оценивает их справедливость. Особенно сильно это проявляется в тех сферах, где право тесно переплетается с вопросами морального выбора: семья, ювенальная юстиция, биоэтика, проблемы начала и конца жизни, вспомогательные репродуктивные технологии и т. д.

Кроме того, нельзя забывать, что религиозные организации активно действуют и через институты гражданского общества. Благотворительные, образовательные и просветительские проекты, которые они реализуют, со временем формируют вполне определенные социальные практики. Эти инициативы далеко не всегда напрямую связаны с религиозной догматикой, но почти всегда опираются на базовые ценности христианской и мусульманской традиций: милосердие, ответственность, взаимопомощь, забота о слабых. И вот эти самые практики нередко в дальнейшем получают уже правовое закрепление. То есть законодатель реагирует не на вероучительные положения, а на их социальное воплощение, на то, какие последствия порождает деятельность религиозных общин, как она сказывается на жизни социума.

С другой стороны, не будем игнорировать потенциальные риски. При отсутствии ясных правовых границ баланс между светскостью и религиозным влиянием может сместиться. Возникнет угроза неравенства между конфессиями, ограничения свободы религиозного выбора или использования религиозной риторики для продвижения вполне светских, но узкогрупповых интересов (например, под лозунгами защиты традиций могут приниматься законы, ущемляющие права меньшинств). В крайних случаях это способно превратить религию в инструмент политической борьбы, тем самым радикализовав общественный дискурс.

Таким образом, механизмы влияния религиозных организаций на правотворчество в светском государстве представляют собой сложную, неоднозначную и во многом противоречивую систему. Их эффективность и допустимость напрямую зависят от того, насколько прозрачными, регламентированными и сбалансированными будут правила такого взаимодействия. Без этого любое влияние рискует превратиться либо в скрытое давление, либо в источник новых социальных противоречий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние религиозных организаций на правотворчество в светском государстве носит устойчивый, хотя и преимущественно не прямой, а опосредованный характер. Конфессии не участвуют в создании юридических норм в собственном смысле слова, однако сохраняют статус значимого элемента социальной реальности и активного субъекта общественной дискуссии. Посредством их деятельности воспроизводятся ценностные ориентиры, моральные представления и концепты справедливого общественного устройства, которые в той или иной степени находят отражение как в содержании действующего законодательства, так и в общей логике формирования правовой политики.

Согласимся, что полное игнорирование данного фактора представляется методологически и практически неоправданным. В случае если государство исходит из предпосылки, что религиозные убеждения значительной части общества не имеют значения, это с высокой вероятностью влечет негативные последствия: снижается уровень восприятия принимаемых решений со стороны общества, ослабевает их легитимность, а социальная среда приобретает более конфликтный характер.

Участие религиозных организаций в публичных коммуникациях, как правило, осуществляется не напрямую, а посредством институтов гражданского общества: через механизмы общественных обсуждений, представление экспертных заключений, участие в работе консультативных площадок и иные формы взаимодействия. Такая гражданская активность не вступает в противоречие с принципом светскости государства при условии четкого разграничения функциональных

ролей субъектов правотворческого процесса. При этом за государством сохраняется исключительное право на принятие общеобязательных правовых норм, *ipso facto* данный принцип остается незыблемым.

Наиболее заметное влияние религиозного фактора наблюдается в тех сферах правового регулирования, где право соприкасается с вопросами морали, семейных отношений, социальной справедливости и консервативных ценностей. В данных областях конфессии зачастую выступают носителями устойчивых этических моделей, оказывающих существенное влияние на восприятие обществом новых законодательных инициатив. Зачастую именно через вероучительную призму таковые воспринимаются как допустимые и соответствующие сложившимся традициям либо как противоречащие ценностным установкам и потому неприемлемые.

В современной правовой практике прямое закрепление религиозных норм в законодательстве скорее исключение, чем правило. Гораздо чаще религиозные представления влияют на правотворчество опосредованно, формируя ценностную среду, в рамках которой складывается общественный запрос и определяются границы допустимых правовых решений. Таким образом, религиозный фактор не столько диктует конкретные нормы, сколько задает систему координат, определяющую границы приемлемости тех или иных законодательных инициатив в общественном сознании.

Вместе с тем отсутствие прозрачных процедур взаимодействия государства и конфессий, неопределенность правовых границ их участия способны привести к смещению баланса между светским характером государства и религиозным воздействием. В крайних формах это может выражаться в неравном положении конфессий, ограничении свободы мировоззренческого выбора граждан или использовании религиозной риторики для продвижения узкогрупповых интересов, что противоречит принципам правового государства.

К сожалению, религиозная риторика нередко используется как удобный инструмент для продвижения тезисов, имеющих весьма отдаленное отношение к собственно вере. Политические лозунги зачастую облачаются в сакральные одежды, вместо серьезных аргументов звучат апелляции к совести и тра-

диции. Все это плохо согласуется не только с принципом светскости государства, но и с более глубокими основами правового порядка – равенством перед законом, реальной свободой совести и недопустимостью какой бы то ни было дискриминации по религиозному признаку.

В условиях, когда религиозные организации продолжают играть значимую роль в общественной жизни, особенно в вопросах морали и нравственности, крайне важно разработать и внедрить четкие правовые механизмы их взаимодействия с государственными структурами. Это позволит избежать возможных злоупотреблений и обеспечить баланс интересов всех участников общественного диалога.

Отсюда, собственно, и вытекает необходимость серьезной проработки правовых механизмов – тех самых, которые могли бы обеспечить институционально оформленный и относительно равноправный диалог между органами публичной власти и религиозными объединениями. При этом с позиций современной юриспруденции прямое включение религиозных предписаний в систему действующего законодательства едва ли может быть признано оправданным. Но и полное вытеснение религиозного фактора за пределы публичного обсуждения представляется контрпродуктивным – оно лишь загоняет проблему вглубь, лишает общество важного источника ценностных ориентиров.

Гораздо более перспективным, на наш взгляд, выглядит создание таких процедур, при которых социальный и ценностный потенциал религиозных институтов мог бы учитываться открыто – в четко очерченных правовых рамках и без нарушения принципа мировоззренческого нейтралитета государства. В этом отношении заслуживает внимания расширение практики публичного обсуждения и независимой экспертной оценки законопроектов, затрагивающих наиболее чувствительные морально-ценностные сферы – те же вопросы семьи, образования, культурной политики. При этом границы такого участия, разумеется, нуждаются в нормативном закреплении, иначе велик риск либо формального «одобрения» без реального влияния, либо, напротив, чрезмерного лоббизма под видом «духовных ценностей».

В целом можно заключить, что участие религиозных организаций в правотворческом процессе при соблюдении четких правовых рамок способно содействовать укреплению социальной стабильности, формированию ответственного правосознания и повышению легитимности правовых решений. Именно такое понимание их роли позволяет рассматривать влияние на правотворчество не как угрозу светскому характеру государства, а как один из элементов сложной системы взаимодействия права, общества и культуры в условиях современного правового развития.

Список источников

1. Посашкова А.Л. Взаимодействие религиозных и правовых норм в правообразовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Л. Посашкова. – Владимир, 2010. – 23 с.
2. Глушков М.В. Политические аспекты миссионерской деятельности / М.В. Глушков // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7, № 5а. – С. 267–268.
3. Law and Religion in Public Life: The Contemporary Debate / ed. N. Hosen, R. Mohr. – London ; New York : Routledge, 2011. – 274 p.
4. Идресова У.Х. Вопросы гармонизации национального законодательства и религиозной деятельности в Республике Казахстан: проблемы и теория / У.Х. Идресова, Ж.И. Ердешова, Д.У. Айтмуханова // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. – 2021. – Т. 63, № 4. – С. 103–110.

REFERENCES

1. Posashkova A.L. Interaction of Religious and Legal Norms in Law Formation. *Cand. Diss. Thesis*. Vladimir, 2010. 23 p.
2. Glushkov M.V. Political Dimension to Missionary Work. *Theories and Problems of Political Studies*, 2018, vol. 7, no. 5a, pp. 267–268. (In Russian).
3. Hosen N., Mohr R. (eds.). *Law and Religion in Public Life: The Contemporary Debate*. London, New York, Routledge Publ., 2011. 274 p.
4. Idressova U., Yerdeshova Zh., Aitmukhanova D. Issues of Harmonization of National Legislation and Religious Activity in the Republic of Kazakhstan: Problems and Theory. *Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University*, 2021, vol. 63, no. 4, pp. 103–110. (In Russian).
5. Ivanov R.L. Subjects of Lawmaking: The Concept and Types. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 5–14. (In Russian).

5. Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды / Р.Л. Иванов // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 5–14.
6. Мозолин В.П. Предисловие / В.П. Мозолин // Правовая реформа в России: восемь лет спустя : сборник статей / под ред. В.П. Мозолина. – Москва : ЛУМ, 2013. – С. 5–19.
7. Семашко А.Г. Роль религиозных организаций в разработке правовых реформ в России / А.Г. Семашко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 5. – С. 238–242.
8. Борокова И.Д. К вопросу о влиянии религиозных организаций на формирование гражданского общества / И.Д. Борокова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 3 (171). – С. 137–140.
9. Ершов В.В. Религиозный лоббизм в социально-политическом пространстве США / В.В. Ершов // Вопросы теологии. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 732–742.
10. Яценко О.В. Конституционная конструкция принципа свободы совести в юридической практике / О.В. Яценко // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – № 1 (33). – С. 108–111.
6. Mozolin V.P. Preface. In Mozolin V.P. (ed.). *Legal Reform in Russia: Eight Years Later*. Moscow, LUM Publ., 2013, pp. 5–19. (In Russian).
7. Semashko A.G. Role of the Religious Organizations in the Development of the Legal Reforms in Russia. *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 5, pp. 238–242. (In Russian).
8. Borokova I.D. On the Question of the Influence of Religious Organizations on the Formation of Civil Society. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*, 2023, no. 3 (171), pp. 137–140. (In Russian).
9. Ershov V.V. Religious Lobbyism in the Political Process of the USA. *Issues of Theology*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 732–742. (In Russian).
10. Yatsenko O.V. Constitutional Construction of the Principle of Freedom of Conscience in Legal Practice. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2021, no. 1 (33), pp. 108–111. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколовский Константин Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolovskiy Konstantin Gennadievich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of General Education Disciplines.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 11.05.2026. The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.